

Вячеслав Звягинцев

**Инакомыслие в Красной
армии. Книга вторая**

«Издательские решения»

Звягинцев В. Е.

Инакомыслие в Красной армии. Книга вторая / В. Е. Звягинцев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505677-1

Любые проявления инакомыслия в армии и на флоте считались крайне опасным явлением, подрывающим устои советского государства. Поэтому репрессии в отношении «диссидентов» в погонах носили, во-первых, превентивный и, во-вторых, постоянный характер. Исследование изложено в двух книгах. В книге 1 приведены следственно-судебные дела 1918—1938 годов. Книга 2 охватывает период с 1939 г. по 1970 г.

ISBN 978-5-00-505677-1

© Звягинцев В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Инакомыслие в Красной армии	6
Книга 2. 1939—1970 гг.	7
18. «... мы понесли значительные напрасные потери» (дела «антисоветчиков» финской войны, 1939—1941 гг.)	7
19. Пресечь «пораженчество» (дела И. В. Селиванова, Ф. Н. Романова и др., 1941—1942 гг.)	12
20. «Пытка ожиданием» (дела Г. А. Армадерева, В. С. Голушкевича и др., 1941—1952 гг.)	17
21. Они «не должны были бы быть враждебны советскому строю» (необоснованные осуждения по делам 1942—1943 гг.)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Инакомыслие в Красной армии Книга вторая

Вячеслав Егорович Звягинцев

© Вячеслав Егорович Звягинцев, 2019

ISBN 978-5-0050-5677-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-3245-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Инакомыслие в Красной армии

Книга 2. 1939—1970 гг.

18. «... мы понесли значительные напрасные потери» (дела «антисоветчиков» финской войны, 1939—1941 гг.)

В ноябре 1939 года началась советско-финляндская война, известная также как «финская» или «зимняя». Тогда же органы госбезопасности начали воевать с «контрреволюционерами-агитаторами», количество которых в действующей армии за три месяца боевых действий стремительно возросло, превысив тысячу человек. Многие были осуждены.

Только по данным официальной судебной статистики в ходе финской войны было привлечено к уголовной ответственности по статье 58—10 УК РСФСР 843 военнослужащих¹. Причем, эта статья явно доминировала в структуре контрреволюционной преступности. Так, из 77 «контрреволюционеров» в 9-й армии комкора М. П. Духанова, печально известной расстрелами командиров², за проведение «антисоветской агитации» было репрессировано 60 чел.

Историк К. М. Александров отмечал: «В некотором смысле боевые действия в Финляндии стали своеобразным индикатором, выявившим наличие в обществе и в Красной армии протестных настроений по отношению к советской действительности. Интересно, что их катализатором служили поражения на фронте, а также быстро выявившийся диссонанс между заявлениями органов пропаганды о „непобедимости Красной армии“ и реальным положением на фронте, особенно в декабре 1939 – первой половине января 1940 г.»³.

Надо заметить, что причины, по которым началась эта странная война, до сего времени оцениваются неоднозначно⁴. Тем более эти причины были непонятны простым солдатам.

Так, в сводке 7-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 24 января 1940 года об антисоветских высказываниях красноармейцев следовавшего на фронт 41-го отдельного запасного батальона отмечалось: «Красноармеец Черняк Николай высказался: «Я не знаю, за что мы воюем. При советской власти я жил плохо, а тех, которых мы освободили, они жили лучше нас, так зачем же их было освобождать»... Красноармеец Мельник говорил: «Дома с голоду мрут, а мы идем защищать кого-то и зачем»⁵.

Среди причин быстрого роста армейского инакомыслия отмечают лживость и непрофессионализм советской пропагандистской машины. Финская война преподносилась как борьба за освобождение обездоленного и угнетаемого белофиннами простого народа. А в реальности оказалось, что народ этот живет намного лучше, чем семьи многих бойцов и командиров Красной армии. В книге К. М. Александрова приведено характерное в этом отношении высказывание одного красноармейца: «Как только мы заняли первые финские хуторишки, наши сразу же полезли по чердакам и погребам шнырять... А там – и сметанка, и грибы, и окорока, и соленья всяческие, и чего только нету! Мы к политруку: „Как же так, – говорим, – вы же нам говорили,

¹ Советско-финляндская война. Военно-исторический журнал. 1990. №1. С. 34.

² В сражении у села Суомуссалми финнами были разгромлены две советских стрелковых дивизии, после чего по приговору военного трибунала 9-й армии перед строем были расстреляны: командование 44-й дивизии (А. И. Виноградов, О. И. Волков, И. Т. Пахоменко) и 662-го полка 163-й дивизии (Д. В. Шаров и А. А. Подхомутов).

³ Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М. Яуза, Эксмо. 2005. с. 10.

⁴ По мнению ряда историков, решающую роль сыграло осознание советским руководством угрозы со стороны фашистской Германии и возрастание с началом Второй мировой войны значения Балтийского ТВД.

⁵ Зимняя война 1939—1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М. ИКЦ «Академкнига». 2009. с. 446—447.

что финские крестьяне с голоду мрут, подбираются?» А политрук рот раскрыл, и сказать-то нечего»⁶.

Военный трибунал 9-й армии 3 февраля 1940 года приговорил к расстрелу по ч. 2 статьи 58—10 УК РСФСР красноармейца 426-го стрелкового полка 88-й стрелковой дивизии С. Е. Молоденкова, который заявлял: «Лучше просидеть 5 лет в тюрьме, чем здесь воевать. Война, которая здесь ведется Красной армией, пользы финскому народу не принесет, а только народ переносит бедствия. Солдаты не сдаются в плен потому, что им жилось хорошо»⁷.

Царившее среди высшего комсостава РККА предвкушение быстрого триумфа в финской войне вскоре сменилось на растерянность и недоумение. Когда части и соединения застряли у «линии Маннергейма», укрепрайона на Карельском перешейке, стало ясно, что к серьезной войне Красная армия не готова.

Красноармеец 609-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии В. И. Сосин, оказавшись в госпитале, в разговорах с другими бойцами и медперсоналом восхвалял жизнь в Финляндии. Говорил, в частности, что у финнов налоговая политика намного лучше советской. А еще положительно отзывался о боеготовности финской армии и слабой подготовке РККА.

За эти крамольные слова военный трибунал 8-й армии 27 февраля 1940 года приговорил его по ч. 2 статьи 58—10 УК РСФСР к расстрелу. Даже в то время столь суровое наказание показалось судьям Верховного суда Союза ССР несоразмерным содеянному. Военная коллегия 25 мая того же года снизила назначенное Сосину наказание до 10 лет лагерей, с поражением в правах на 4 года⁸.

Среди военнотружущих, оказавшихся в финском плену, а позже арестованных органами НКВД и изобличенных, согласно донесению Л. П. Берия от 28 июня 1940 года, «в активной предательской работе в плену», тоже было немало инакомыслящих. Один из них – красноармеец 122-го артиллерийского полка 44-й стрелковой дивизии Г. Н. Лодыгин. Находясь в плену, он вел записную книжку, куда записывал, помимо прочего, имена пленных, согласившихся сотрудничать с финнами, а также «антисоветские высказывания» своих товарищей. Когда записная книжка попала в руки следователя, тот квалифицировал написанное по статье 58—1б УК РСФСР (измена Родине), хотя Лодыгин уверял его, что это наброски к задуманной им книге⁹.

28 октября 1940 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило Г. Н. Лодыгина к 8 годам лагерей. Его реабилитация состоялась только в 2002 году.

Надо заметить, что когда дневники и записные книжки военнотружущих попадали в руки следствия, то они, как правило, становились наиболее ценным и убедительным доказательством «контрреволюционности» их авторов.

Комбриг Г. Ф. Кондрашев, командир попавшей в окружение 18-й стрелковой дивизии, был расстрелян в 1940 году «за изменнические действия, повлекшие за собой тяжелые последствия во время войны с финской белогвардейщиной»¹⁰. Незадолго до ареста он оставил записи о боевых действиях своей дивизии и причинах постигших нашу армию неудач.

Эти записки на 65 листах, хранящиеся в архиве ФСБ и опубликованные историком В. С. Христофоровым в журнале «Звезда», начинаются с раздела «Пришел, увидел, победил»: «1. Около полутора месяцев эта крылатая фраза не сходила с языка руководства 8 армии и его

⁶ Александров К. М. Указ. соч. с. 10.

⁷ Копия определения военного суда Ленво от 3 октября 1997 г. о реабилитации С. Е. Молоденкова (из личного архива автора).

⁸ НП ВК ВС №557/ЛФ по делу В. И. Сонины.

⁹ Бичехвост А. Ф. Репрессивная политика советского государства и судьбы военнопленных Красной армии участников советско-финской войны 1939—1940 годов.

¹⁰ Комбриг Г. Ф. Кондрашев 2 августа 1940 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по статьям 193—17 п. «б» и 193—22 УК РСФСР к расстрелу.

штабного аппарата, слишком много люди, долженствующие по серьезному решать предстоящие боевые задачи, занимались политическим гаданием – быть или не быть войне, пойдут финны на уступки или не пойдут. А между тем события день ото дня настоятельно требовали полной готовности армии, сам ход московских переговоров говорил за то, что столкновение неизбежно. Тем не менее „пришел, увидел, победил“ все еще продолжало владеть умами многих, неизвестно, в какой день и час сошло оно с языков бахвалов и в какой степени решены были вопросы обеспечения боевых операций, но день 30 ноября 1939 г. не позволил кадровой 18 дивизии перейти границу, как принято выражаться, в полной боевой готовности – до 25% некомплект в людском составе. Такое же положение с конским составом, наличие обозов позволило поднять лишь 0,5 боекомплекта...»¹¹.

По сути, о том же написал в своем докладе наркому К. Е. Ворошилову комкор В. И. Чуйков, сменивший командующего 9-й армии М. П. Духанова в декабре 1939 года, т.е. спустя три недели после начала боевых действий: «В операциях мы имели много случаев, когда вследствие идиотской беспечности, неумения и нежелания организовать бой как следует и этот бой обеспечить всеми видами снабжения, мы понесли значительные напрасные потери»¹².

Нарком Ворошилов тоже вынужден был констатировать, что ни он лично, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа «вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной», к ее подготовке подошли «недостаточно серьезно», вооружения и боевой техники «было явно недостаточно для того, чтобы прорвать укрепленную линию на Карельском перешейке и разгромить финляндскую армию, ...начиная войну зимой, войска не были должным образом обмундированы, оснащены и снабжены для действий в суровых зимних условиях»¹³.

Надо сказать, что в исторической литературе разработчиками плана прорыва «линии Маннергейма» называют разных лиц: командующего фронтом маршала С. К. Тимошенко, командующего 7-й армией генерала армии К. А. Мерецкова, преподавателя военной академии генерала Д. М. Карбышева, начальника инженерных войск 7-й армии полковника А. Ф. Хренова... Все эти лица имели косвенное отношение к разработке операции по прорыву финских укреплений. Д. М. Карбышев, например, выезжал на фронт и давал рекомендации по инженерному обеспечению штурма. Между тем, имя непосредственного разработчика плана прорыва «Линии Маннергейма» оказалось вычеркнутым из исторического формуляра по причине его осуждения.

Это генерал лейтенант Константин Павлович Пядышев. Он еще до начала кампании, находясь в должности заместителя начальника штаба округа, предлагал обмундировать армию по-зимнему, поставить бойцов на лыжи, а «линию Маннергейма» не штурмовать в лоб и нанести обходной удар со стороны Карелии. Но Ворошилов отклонил тогда его предложения и обвинил Пядышева в преувеличении сил противника¹⁴. Когда же выяснилось, что генерал был прав, именно ему, как заместителю командующего 7-й армии, К. А. Мерецков поручил разработку подробной инструкции по прорыву финских укреплений.

Об этом свидетельствуют материалы архивно-следственного дела №981640. На вопрос следователя К. П. Пядышев показал: «В период занимаемой мной должности заместителя командующего 7-й армией я выполнял все поручения, которые мне давал Мерецков. В частности, по прибытии в 7-ю армию я от Мерецкова получил задание составить инструкцию по про-

¹¹ Цит. по: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1369>

¹² РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 215. Л. 55, 56

¹³ Ворошилов К. Е. Уроки войны с Финляндией. Архив Политбюро ЦК КПСС. Ф. 3. Оп. 50. Д. 261. Л. 114—158.

¹⁴ См., например, Обухов А. Забытый генерал. Константин Пядышев. Газета «Секретные материалы». №26, декабрь 2013 г.

рыву укреплений полосы на Сумском направлении, после этого обучать войска, предназначенные для прорыва укреплений линии»¹⁵.

Штурм, осуществленный в соответствии с разработанной генералом инструкцией, был успешным. К. П. Пядышева наградили орденом Красного Знамени, а затем – еще и орденом Ленина. Ему также было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант». В феврале 1941 года К. П. Пядышев стал заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа. А через месяц после начала войны был арестован и обвинен в антисоветской агитации и пропаганде.

Известно, что после нападения фашистской Германии на СССР К. П. Пядышев занимался оборудованием Лужского оборонительного рубежа. В июле ему было поручено возглавить сформированную Ставкой ВГК Лужскую оперативную группу, но приступить к исполнению этой должности он не успел. В постановлении на арест говорилось, что генерал подозревается в преступной деятельности, предусмотренной частью 1 статьи 58—10 УК РСФСР.

17 сентября 1941 года К. П. Пядышев был осужден Военной коллегией по той же статье на 10 лет лишения свободы, с поражением в правах на пять лет. Суд признал его виновным в том, что он «в 1937 году среди своих знакомых, а в 1940 году в письмах к своей жене, допускал антисоветские суждения, направленные против отдельных мероприятий ВКП (б) и Советского правительства»¹⁶.

Из писем Пядышева к жене видно, что он был бесстрашным человеком и, догадываясь, что за ним следят, продолжал открыто высказывать свои мысли и взгляды. Вот лишь некоторые выдержки из этих писем:

«Получаю захватанное грязными лапами, вскрытое и грубо заклеенное твое письмо. Значит, следят наши старатели, только забывают руки мыть. Жалкие, бедные люди. Ищут не там, где нужно»;

«Теперь нетрудно стать комдивом – лови только шпионов, да врагов народа, а больше ничего не надо».

Генерал К. П. Пядышев не был контрреволюционером. Он был честным человеком и грамотным офицером, переживавшим за невысокое состояние боеспособности РККА. Об этом, в частности, свидетельствуют его высказывания по поводу действий наших войск на финской войне при прорыве линии Маннергейма: «Я мало верил в успех прорыва, очень слаба подготовка нашего начсостава, многие даже не умеют пользоваться картами, не умеют командовать своими подразделениями, не имеют никакого авторитета среди красноармейцев. Красноармейцы подготовлены очень слабо, многие красноармейцы не хотят драться с врагом, этим объясняется наличие дезертирства, большое скопление красноармейцев в тылу...»¹⁷.

В суде Пядышев вину в какой-либо «контрреволюционности» категорически отрицал. А утверждения свидетелей о его неверии в возможность прорыва линии Маннергейма парировал следующими словами:

– Я говорил, прежде чем наступать, надо обучить пополнение. И говорил, как именно надо их обучать. В последующем я лично разработал инструкцию прорыва линии Маннергейма, и по ней она была прорвана¹⁸.

В деле подшито ходатайство маршала А. М. Василевского и маршала артиллерии Н. Н. Воронова на имя прокурора СССР В. М. Бочкова от 25 июня 1943 года с просьбой о скорейшем освобождении Пядышева как ценного военачальника. По некоторым данным, по этому

¹⁵ НП ВК №4н-010552/57 по делу К. П. Пядышева.

¹⁶ Там же, с. 5.

¹⁷ Там же, с. 2—3.

¹⁸ Там же, с. 2.

ходатайству было принято положительное решение. Однако на свободу К. П. Пядышеву уже не довелось выйти. 15 июня 1944 года он скончался в лагерьном лазарете.

19. Пресечь «пораженчество» (дела И. В. Селиванова, Ф. Н. Романова и др., 1941—1942 гг.)

Основная проблема, с которой командование Красной армии столкнулось в начальный период Великой Отечественной войны, – «пораженческие настроения». Зачастую они были порождены дефицитом объективной информации и атмосферой растерянности, царившей на фронте в начальный период войны.

Пресекали «пораженчество» различными способами, в том числе – с помощью статьи 58—10 Уголовного кодекса.

Анализ приговоров показывает, что чаще всего обвинения в распространении пораженческих настроений связывались с неверием в боевую мощь Красной армии, восхвалением немецкой техники, сомнениями в правдоподобности сообщений Совинформбюро, а также критикой мероприятий партии и правительства по военным вопросам¹⁹.

Так, согласно приговору военного трибунала 68-й Морской стрелковой бригады от 10 октября 1942 года, У. Н. Полухин «как красноармеец, находясь в 1-м взводе 2-й роты 2-го батальона 68 МСБ, с первого дня его пребывания в указанной части, среди бойцов стал проводить контрреволюционные разговоры, направленные на подрыв мощи Красной армии, не верил в победу Красной армии и восхвалял немецкую армию и ее вооружение»²⁰.

За эти разговоры Полухин был подвергнут расстрелу.

Надо сказать, что в годы войны законодательство о контрреволюционной агитации существенным изменениям не подвергалось²¹. На этот случай вступила в действие имевшаяся в Уголовном кодексе ч. 2 ст. 58—10, которая и была применена к Полухину. Она устанавливала, что пропаганда и агитация в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой высшую меру социальной защиты – расстрел.

Изучение приговоров показывает, что назначение судами смертной казни применялось за «пораженчество» достаточно широко. Например, к расстрелу приговорили старшего лейтенанта М. Забродского – за «распространение клеветнических измышлений о мероприятиях советского правительства»²², красноармейца Л. Ковальчука – за «хранение при себе контрреволюционной фашистской листовки»²³, младшего лейтенанта В. Петухова за то, что «систематически слушал по радио из-за границы антисоветскую агитацию»²⁴.

Иногда исполнение приговоров к расстрелу приостанавливали. Например, по приговору военного трибунала 101-й стрелковой дивизии от 29 сентября 1944 года рядовой Демьяненко был осужден к высшей мере наказания за то, что, как видно из приговора, «являясь активным врагом Советской власти, в 1941—1944 гг. проводил антисоветскую агитацию – написал и хранил стихи контрреволюционного содержания...». Может стихи кому-то понравились. А может быть по каким-то другим причинам в декабре того же года военная коллегия заменила расстрел десятью годами лишения свободы.

Спустя полвека Демьяненко был реабилитирован. В постановлении Пленума Верховного суда СССР отмечалось, что стихи «отражают лишь субъективное восприятие осужденным про-

¹⁹ Набор таких типовых фраз встречается в каждом третьем-четвертом приговоре.

²⁰ Копия приговора военного трибунала бригады по делу У. Н. Полухина (из личного архива автора).

²¹ Подробнее об этом – в Приложении №5.

²² Забродский реабилитирован ВТ ЛенВО 31 октября 1985 г.

²³ Ковальчук реабилитирован ВТ ЛенВО 13 ноября 1987 г.

²⁴ Петухов реабилитирован ВТ ЛенВО 12 октября 1989 г.

исходивших в стране политических и экономических процессов, имевших место массовых репрессий..., неудач на фронте..., и не могут рассматриваться как антисоветская агитация»²⁵.

Историк Н. А. Ломагин в книге «Неизвестная блокада» приводит несколько архивных документов, подготовленных Особым отделом Балтийского флота, о «резких антисоветских проявлениях», которые сотрудники госбезопасности подразделяли следующим образом:

- «1) пораженческие и изменническо-профашистские настроения;
- 2) клеветнические и провокационные высказывания;
- 3) нездоровые настроения на почве питания;
- 4) прочие антисоветские проявления»²⁶.

В 1941—1942 годах «пораженческая агитация» преобладала в структуре судимости за контрреволюционные преступления. Например, в докладной записке Особого отдела НКВД Ленинградского фронта №243876 от 25 декабря 1942 г., направленной представителю Ставки ВГК К. Е. Ворошилову, отмечалось: «С начала мая по 25 декабря с.г. изъято и арестовано... за контрреволюционную пораженческую агитацию – 2052 чел.»²⁷. Это 52,2% от числа всех военнопленных, обвиненных тогда на Ленинградском фронте в совершении контрреволюционных преступлений.

Надо заметить, что обвинение в контрреволюционной пропаганде и агитации чаще всего основывалось на действительно имевших место фактах, которые оценивались тогда в соответствии с положениями статьи 58—10 как преступные антисоветские проявления. Не подлежит сомнению, что обывательские суждения о неготовности Красной армии к войне, не говоря уже о распространении панических слухов об отступлении или полном разгроме наших войск, наносили серьезный вред боеготовности частей и подразделений. Другое дело, когда разговоры и высказывания соответствовали действительности, и не имелось никаких оснований относить их к преступным проявлениям. Или когда следователи фабриковали содержательную часть этого состава преступления, что тоже происходило нередко. Об этом подробнее – в следующих главах.

Приведем одно из высказываний, соответствовавших реальности:

– Как же так, пели «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», а теперь сдаем врагу свои города?

За эти слова из «Марша советских танкистов», выбитые на фасаде здания Пограничной академии ФСБ России на Ленинградском проспекте, пострадало немало красноармейцев. Как и за следующее правдивое утверждение: «Все лучшие силы перед войной уничтожены, а теперь войсками руководят неопытные командиры».

Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1941 году многие бойцы и командиры действительно сомневались в том, что немцев можно победить. Об этом же говорили и политработники, призванные поддерживать их моральный дух. Так, заместитель начальника 3-го Управления ВМФ СССР дивизионный комиссар Бударев 11 декабря 1941 года направил члену Военного Совета Ленинградского фронта адмиралу Исакову секретное сообщение, в котором, в частности, указывалось: «Среди отдельных лиц командно-политического состава частей и подразделений флота за последнее время отмечены факты пораженческих настроений... Военком тральщика 124 политрук Ахрамович (призван из запаса) говорит: «Я боюсь, что наши не выдержат удара немцев. Из этой войны ничего хорошего не выйдет, мы напрасно воюем, т. к. победить немцев мы все равно не сможем»... Старшина 57 авиаполка Никитин в присутствии личного состава по вопросу временного занятия противником ряда наших городов говорит: «У нас нечем воевать, мы сдали город за городом. К войне мы готовились много

²⁵ Копия постановления №181—89 Пленума Верховного суда СССР от 24 апреля 1989 г. (из личного архива автора).

²⁶ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. М. Олма-пресс. 2002.

²⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.3. Кн. 2 М. 2003.

лет, а оказалось, что повоевали незначительное время и воевать нечем – орудий нет, самолетов нет, танков также...»²⁸.

А вот примеры «пораженчества» несколько иного рода. Начальник Особого отдела Юго-Западного фронта в докладной записке от 5 июля 1942 года на имя Л. П. Берии отмечал: «Младший сержант Багатиков Иван Матвеевич в разговоре с бойцами в связи с Харьковской катастрофой говорил: «... 70 тысяч бойцов и командиров, о которых идёт речь в газете, не пропали без вести, а перешли к противнику. Я тоже возьму автомат, перестреляю командиров и с автоматом перейду к немцам». Красноармеец Пилипчук «в присутствии ряда красноармейцев заявил: «Видно по ходу войны, что Красной Армии не победить немецкой армии, и немец с Украины не уйдёт. Счастливый тот, кто остался в тылу немцев и живёт себе припеваючи и работает дома...». Красноармеец Макогонов: «... Если бы всем повернуть оружие против комиссаров и командиров, то войне через десять минут был бы конец и вновь бы восстановилось единоличное хозяйство и было бы продуктов вдоволь...»²⁹.

Такого рода высказывания разлагающе действовали на личный состав и наносили большой вред политико-моральному состоянию подразделений и частей. Поэтому соответствующие приговоры вряд ли были необоснованными. Если, разумеется, оценивать их с позиции того непростого времени. Другое дело, что и тогда для пресечения подобных высказываний и слухов в ряде случаев достаточно было принять меры воспитательного воздействия. Или воспользоваться специально принятым 6 июля 1941 года Указом «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», которым устанавливалось, что за эти действия «виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»³⁰.

По этим причинам в документах о реабилитации военнослужащих, осужденных в годы войны по статье 58—10 УК РСФСР, порой отмечалось, что их высказывания являлись вредными, хотя они и не образуют состава преступления. Так, в протесте председателя военного трибунала Ленинградского военного округа по делу красноармейца 227-го отдельного саперного батальона В. П. Петухова отмечалось: «Что же касается отдельных высказываний осужденного об условиях службы в Красной Армии, жизни населения в Германии, то они были действительно вредными, особенно в условиях военного времени, однако по своему характеру и направленности эти высказывания не содержали призыва к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти и потому состава преступления, предусмотренного ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР не образуют»³¹.

Между тем, к пораженческим высказываниям порой безосновательно относили серьезные попытки проанализировать причины отступления Красной армии, а также обоснованную критику руководства страны и бездарных военачальников, по вине которых РККА понесла огромные потери.

Возьмем, к примеру, дело по обвинению начальника штаба 27-й армии Северо-Западного фронта генерал-майора Ф. Н. Романова в «пораженчестве и пессимизме».

Согласно обвинительному заключению от 15 февраля 1952 года Ф. Н. Романов являлся замаскировавшимся врагом с 1926 года, когда сблизился в академии с антисоветски настроенными однокурсниками, разделял их негативные взгляды на институт комиссаров и партийно-политический аппарат Красной Армии. А в начальный период Великой Отечественной войны вел, по мнению следователей, антисоветские разговоры среди руководящего состава

²⁸ ЦВМА. ф. 161. оп. 1. д. 6. с. 16—17

²⁹ Сборник документов «Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ...». М. Звонница-МГ. 2000.

³⁰ Сборник документов по истории советской военной юстиции. Военно-юридическая академия, 1954. с. 365.

³¹ Копия протеста председателя военного трибунала округа по делу В. П. Петухова (из личного архива автора).

Южного фронта, обвиняя руководство страны в том, что оно плохо занималось подготовкой страны и армии к войне. Это обвинение было основано главным образом на показаниях бывшего члена Военного совета Южного фронта А. И. Запорожца. В суде его свидетельские показания Романов назвал клеветническими и заявил:

– Пессимизм у меня был не по поводу поражения в войне в целом, а по поводу частного случая, конкретной сложившейся обстановки на нашем фронте. Из захваченных у противника документов нам стало известно, что группа Клейста имеет цель выйти на Каховский плацдарм, отрезать пути отступления 18-й и 9-й армий. Захват Ново-Украинки свидетельствовал, что противнику удастся осуществлять свои намерения. А у нас отсутствовали резервы. Отсюда и пессимизм, радоваться было нечему. Но пессимизм – это не пораженческие настроения³².

Генерал-майор Федор Николаевич Романов был осужден 22 августа 1952 года к 12 годам лагерей, с поражением в правах и конфискацией имущества

Храбрый кавалерист, генерал-лейтенант И. В. Селиванов, как и герой предыдущей главы К. П. Пядышев, был удостоен трех высших орденов СССР «Красное знамя». А расстреляли его за то, что он имел неосторожность в присутствии сослуживцев заявить:

– Немцы продвигаются вперед потому, что у них больше танков и сильней нашей техника и, что много наших танков погибло на границе... Сталин человек хороший, но он же не полководец, человек не военный, а гражданский...

Эти слова, облеченные следователями в фабулу обвинения, в материалах дела звучали уже как «проведение антисоветской пораженческой агитации, восхваление германской армии и клевета на руководителей партии и правительства»³³.

«Контрреволюционное» высказывание генерала перевесило все его прежние боевые заслуги...

30-й стрелковый корпус, которым командовал И. В. Селиванов, летом 1941 года вел тяжелые оборонительные бои на Смоленщине, был окружен. Селиванову, несмотря на ранение, с небольшим отрядом бойцов удалось вырваться из кольца. В октябре он занимался в Самарканде формированием 83-й кавалерийской дивизии, которая затем была направлена на Юго-Западный фронт. А ее командир – на тюремные нары. Суда не было. На основании заочно вынесенного постановления Особого совещания при НКВД СССР его расстреляли 23 февраля 1942 года вместе с другими военачальниками.

На первой странице расстрельного списка И. В. Сталин наложил резолюцию: «Расстрелять всех поименованных в записке. И. Ст.».

За пессимизм и пораженчество карали, не взирая на должности и звания. Не были исключением и судьи, проводившие в жизнь карательную практику.

5 января 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа осудил за контрреволюционную пропаганду председателя военного трибунала 11-й стрелковой дивизии военного юриста 3-го ранга Федора Ивановича Мосина.

Фабула обвинения в приговоре суда лаконична: в сентябре 1941 года, во время прорыва немецкими войсками нашей обороны под Ленинградом, Мосин в разговорах с работниками трибунала допускал высказывания пораженческого характера.

Вину свою Федор Иванович не признал ни на следствии, ни в суде. Тем не менее, он получил 8 лет лагерей и бесследно исчез. Дальнейшая его судьба до сих пор не известна.

Дело Мосина было истребовано из Управления КГБ по Орловской области только в декабре 1969 года по личному указанию заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерала Д. Терехова. Вскоре был подготовлен протест, в котором ставился вопрос об отмене приговора по этому делу. В протесте приведены «контрреволюционные»

³² Архив Военной коллегии. Судебное производство №0024/52 по делу Ф. Н. Романова.

³³ НП ВК №09057/54 по делу И. В. Селиванова.

высказывания Мосина о том, что положение 8-й армии и города Ленинграда тяжелое, части армии отрезаны от основных сил, и, возможно, придется переправляться через залив.

Мосин в суде не отрицал, что пессимизм у него был, и что он говорил о тяжелом положении на фронте своим подчиненным. Но при этом утверждал, что не находит здесь ничего контрреволюционного. Не нашла этого в его действиях и Военная коллегия. В феврале 1970 года она прекратила дело за отсутствием в словах Ф. И. Мосина состава преступления.

На том же Ленинградском фронте были жестко пресечены «антисоветские разговоры» заместителя начальника штаба фронта генерал-майора В. В. Семашко с начальником Ленинградского гарнизона и командующим войсками внутренней обороны г. Ленинграда генерал-майором Ф. С. Ивановым. Оба они весной 1942 года также оказались на тюремных нарах.

Обвинение типовое – проведение антисоветской агитации, выразившейся в разговорах о том, что неудачи Красной Армии явились результатом неправильной политики партии и советского правительства, а также неумения руководства Красной Армии руководить войсками. Конкретно, по информации, изложенной в секретном донесении В. С. Абакумова от 21 декабря 1945 года, Иванов «сознался в том, что вёл среди своего окружения антисоветскую агитацию о том, что неудачи Красной Армии в первые месяцы войны явились результатом якобы неправильной политики партии и Советского правительства по вопросам коллективизации сельского хозяйства. Утверждал, что крестьяне, составляющие основной контингент Красной Армии, не заинтересованы в дальнейшем ведении войны и, будучи лишены частной собственности, защищать Советскую власть якобы не хотят»³⁴.

Оба «антисоветчика» содержались в заключении до конца 1945 года. В январе 1946 года Ф. С. Иванов и В. В. Семашко на основании постановления следственного отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР были освобождены из-под стражи «согласно специальному указанию» и восстановлены в воинских званиях. При этом, срок нахождения под стражей был засчитан им в срок воинской службы. То есть, косвенным образом была подтверждена незаконность их ареста.

Тот же алгоритм действий был применен и в отношении некоторых других генералов, которые всю войну провели в тюремных застенках – без суда и следствия.

³⁴ Военно-исторический журнал №11. 1992. с. 26.

20. «Пытка ожиданием» (дела Г. А. Армадерова, В. С. Голушкевича и др., 1941—1952 гг.)

Генерал-майор Ф. Н. Романов, о деле которого мы рассказали, образно назвал свое многолетнее заточение без суда и следствия «пыткой ожиданием».

Сколько же генералов подвергли такой пытке?

Согласно секретному письму в Президиум Совета Министров СССР, подписанному 11 июля 1953 года Министром Вооруженных Сил Н. Булганиным, прокурором Р. Руденко и председателем Военной коллегии А. Чепцовым, в период с 1941 по 1952 год был арестован 101 генерал. Многих из них признали «диссидентами» и осудили по ст. 58—10 УК РСФСР

По подсчетам автора, всего в 1941—1949 годах было арестовано и обвинено в проведении антисоветской агитации 54 военачальника (от генерал-майора и выше). Причем, половина из них была арестована еще в 1941—1942 годах, а репрессировали большинство в 1950—1952 годах³⁵.

Как правило, сотрудники «Смерша» действовали трафаретно. После ареста «вешали» на очередную жертву самую тяжкую статью – 58—1 п. «б» УК РСФСР (измена Родине). Несколько недель проводили интенсивные допросы, а затем об арестованных «забывали». Для них начиналась «пытка ожиданием», растягивавшаяся на десятилетие.

Характерный в этом отношении пример – дело бывшего начальника 2-го отдела Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии военного инженера 1-го ранга А. А. Гюннера. Его арестовали 19 сентября 1941 года. Непосредственным поводом для его задержания, также как и для генералов А. А. Вейса, А. Г. Ширмахера и других, стала, вероятно, нерусская фамилия.

Как видно из приобщенной к личному делу автобиографии, Гюннер писал, что его родители были чехами, принявшими российское подданство в 1914 году. Подозрительным «особистам» показалось то, что в 1912 году тринадцатилетний Артур зачем-то ездил с отцом на историческую родину. А в октябре 1939 года вообще побывал в фашистском логове вместе с арестованными позже «за дезинформацию советского правительства о состоянии вооружения германской армии» руководителями Главного артиллерийского управления Красной Армии. В Берлине А. А. Гюннер, как установило следствие, занимал в гостинице отдельный номер, а, значит, мог общаться с представителями германской разведки³⁶.

И все же, судя по всему, доказательств, изобличающих Гюннера в измене Родине, было собрано недостаточно. Поэтому 19 сентября 1950 года ему было предъявлено обвинение только в проведении антисоветской агитации и пропаганде. «Преступление» выразилось в том, что Гюннер во время Отечественной войны среди сокамерников высказывал пораженческие взгляды и возводил клевету на советскую действительность³⁷.

А. А. Гюннер был осужден в конце 1950 года во внесудебном порядке на 15 лет лишения свободы...

Генералы, подвергнутые «пытке ожиданием», находились в полной изоляции, не зная, когда состоится и состоится ли вообще суд. Они не знали, что происходит на войне, живы ли их близкие. Об их судьбе родственникам тоже ничего не сообщали.

В начале 50-х, когда руководители МГБ в очередной раз «вспомнили» о генералах-«антисоветчиках», грифом «сов. секретно» стали сопровождать не только все следственные и судеб-

³⁵ См. Приложение №4 «Список военачальников, репрессированных по ст. 58—10 УК РСФСР в годы войны и послевоенное время».

³⁶ Надзорное производство ГВП по делу А. А. Гюннера.

³⁷ Смирнов Н. Г. Вплоть до высшей меры. Московский рабочий. 1997. с. 118.

ные документы, но даже все материалы по их реабилитации?! Видимо, была дана соответствующая команда, поскольку произвол и беззаконие буквально выпирали наружу. Выходом из этого положения стало вменение статьи 58—10 УК РСФСР.

Мы расскажем всего несколько историй генералах-диссидентах из длинного списка, составленного в МГБ СССР.

В октябре 1941 году преподаватели военной академии имени Фрунзе, следуя в эвакуацию в эшелоне, много спорили о том, как могло случиться, что гитлеровцы за четыре месяца войны дошли до столицы. А по прибытии в Ташкент последовали аресты. К числу наиболее активных «заговорщиков» НКВД отнесло генералов Н. И. Плюснина, Г. А. Армадерова, А. А. Глазкова, А. Я. Соколова, Ф. С. Бурлачко, Г. С. Дьякова и Ф. К. Кузьмина³⁸.

Последний, например, обвинял в неудачах командующих фронтами, которых знал, как плохо подготовленных генералов, многие поражения связывал с крайне слабой оперативной подготовкой К. Е. Ворошилова. С ним соглашались, спорили, высказывали свои соображения. Все было в этих беседах – боль и отчаяние, гнев и раздражение. Не было лишь «антисоветчины». Но присутствовавшая при разговорах сотрудница политотдела так не считала. Она написала донос. А дальше события развивались по известному сценарию. Застенок, непрерывные допросы, издевательства и пытки. Общий для всех пункт обвинения – «пораженческие настроения» – у каждого генерала имел довесок, в зависимости от того, что у кого смогли выбить. Плюснин, например, «выражал несогласие с политикой индустриализации и коллективизации, заявлял, что в войне с Финляндией Советская армия показала свою небоеспособность». Кузьмин – «с вражеских позиций оценивал карательную политику» и т. п.

До суда дожили не все. Из двенадцати арестованных в Ташкенте генералов-преподавателей академии имени Фрунзе, пятеро скончались³⁹. Генерал-майор Армадеров, сын инвалида русско-турецкой войны, за 12 лет тюрьмы и лагерей заработал тяжелую форму туберкулеза. В одном из своих заявлений в ЦК КПСС он писал: «Физические методы воздействия довели меня до полного безразличия, до полного морального уничтожения».

Дела Армадерова, Плюснина, Кузьмина и еще нескольких выживших в застенках генералов Военная коллегия рассматривала ровно через десять лет после их ареста – 19 октября 1951 года. Они были приговорены по обвинению в «антисоветской агитации» к 25 годам лагерей каждый.

По 10 лет Военная коллегия отмерила бывшим преподавателям академии Фрунзе генералам Д. Ф. Попову и В. С. Голушкевичу. Их не было в том вагоне. Они оказались на фронте, в самом пекле. Но статья 58—10 УК РСФСР действовала по всей необъятной российской земле...

Владимир Сергеевич Голушкевич перед арестом, произведенным Абакумовым 20 июля 1942 года, был заместителем начальника штаба Западного фронта. Первоначально предъявленное обвинение в измене Родине не нашло своего подтверждения. Однако он тоже десять лет провел в тюрьмах. Его освободили лишь в июле 1952 года. А за полгода до этого предъявили обвинение в проведении антисоветской агитации. Его десятилетнее заточение выглядело с этого момента не как ошибка органов госбезопасности, а как закономерный итог его «преступной деятельности». Проводить антисоветскую агитацию Владимир Сергеевич начал, по версии следствия, еще в академии, подвергая «злой критике академические порядки и охаявая систему воспитания, возводя клевету на офицеров Советской Армии и противопоставляя им офицеров царской армии». Не забыл следователь и участие Голушкевича в войне

³⁸ Архив военной коллегии. Судебные производства Военной коллегии №0042/51, №0044/51, №0015/52 и др.

³⁹ А. А. Глазков умер в тюрьме в сентябре 1943 г., А. Я. Соколов – в феврале 1948 г. Ф. С. Бурлачко скончался в 1949 г. в Казанской тюремной психиатрической больнице, Г. С. Дьяков и А. Г. Ширмахер – в Бутырской тюрьме, соответственно, в 1951 и 1953 гг.

с Финляндией, возвратившись с которой, он «клеветал на действия советских войск и командный состав»⁴⁰.

В суде Военной коллегии, состоявшемся 24 марта 1952 года под председательством генерал-майора юстиции Дмитриева, подсудимый Голушкевич вину в проведении антисоветской агитации не признал и дал подробные показания по всем пунктам обвинения:

– Работая в академии, я по многим вопросам имел свои собственные суждения, которые открыто высказывал, и критиковал разного рода ненормальности. Говорил о необходимости улучшения качества некоторых лекций, обновления учебных программ с учетом опыта финской войны. Выступал против схоластических дискуссий, их оторванности от практики и т. п. Я не могу отрицать, что, может быть, иногда мои высказывания были очень резкими, но не могу признать, что они были антисоветскими. В период между концом финской кампании и началом Великой Отечественной войны в академии разрабатывался проект положения о прохождении службы в РККА. Я говорил, что в него нужно включить хорошие пункты положения о службе в царской армии: создание учебных заведений по типу кадетских корпусов, создание института офицеров Генштаба, твердые сроки присвоения воинских званий и др.

Мы видим, что идеи, которые высказывал Голушкевич, не потеряли своей актуальности и сегодня. Но тогда доброжелательное высказывание об офицерах царской армии могло восприниматься как контрреволюционное. Поэтому рассчитывать на снисхождение, а тем более оправдание, было трудно. Но генерал, все же, надеялся. В своем последнем слове он сказал:

– Я считаю своим долгом доложить суду, что и на следствии и в суде я показывал только правду, никогда не менял показания и никого напрасно не оговорил. Будучи на фронте, я отдавал все силы на службу Родине и ее армии. Я уверен, что советский суд вынесет справедливый приговор и даст мне возможность вернуться к нормальной жизни.

Не дали. Военная коллегия осудила генерала на 10 лет лагерей с поражением в правах и лишением воинского звания. Хорошо хоть, что к этому времени десятилетний срок уже подходил к концу и через несколько месяцев Голушкевича выпустили из заключения. Но клеймо «контрреволюционера» было снято с него лишь 28 июля 1953 года, когда Военная коллегия прекратила дело В. С. Голушкевича и полностью его реабилитировала.

Та же участь – полной неизвестности и «пытки ожиданием» – постигла арестованных в 1942—1943 годах генерал-майоров артиллерии Евгения Степановича Петрова и Александра Алексеевича Вейса, генерал-майора Александра Федоровича Бычковского, дивизионного комиссара Ивана Ивановича Жукова⁴¹ и многих других военачальников, осужденных Военной коллегией в 1951—1952 годах за антисоветскую пропаганду.

Вина начальника Смоленского артиллерийского училища генерала Е. С. Петрова заключалась в «недооценке переломного значения Сталинградской битвы и ее непартийном анализе» на одном из совещаний. 25 лет лагерей генерал получил за слова о том, что немцы «восполнят свои потери, после чего они еще будут сильными и надо с ними считаться».

Командиру 6-й запасной артиллерийской бригады Вейсу отмерили столько же за «клевету на оборонную политику». Он не признал вину ни на следствии, ни в суде, обоснованно считая, что его «арестовали не за совершение преступлений..., а как лицо немецкого происхождения»⁴².

Заместитель командующего 31-й армией Бычковский и комиссар штаба 18-й армии Жуков за свои «пораженческие настроения» отделались всего десятью годами лагерей, которые они к тому времени уже практически отсидели.

⁴⁰ Архив Военной коллегии. Судебное производство №0043/52 по делу В. С. Голушкевича.

⁴¹ Архив Военной коллегии. Судебные производства №0016/52, №0042/52, №0039/52, №0027/52.

⁴² Отец у него был немцем, а мать русской

За девять лет тюремного заключения Бычковского следователи смогли сочинить лишь несколько общих фраз о том, что генерал, приезжая с фронта в Москву, а также во время учебы в академии, восхвалял немецкую армию и ее технику, а также клеветал на сообщения Совинформбюро.

Жукову вменили в вину то, что в 1942 году в разговоре с начальником штаба армии генералом И. Л. Леоновичем⁴³ он заявил – наша армия плохо вооружена и недостаточно обучена. Особому отделу Южного фронта этого оказалось достаточно для заточения Жукова, которое затянулось на десятилетие...

Реабилитировали инакомыслящих генералов в июле 1953 года. Они стали первыми в многомиллионном списке жертв репрессий, дела которых в 50-е годы прекратили за отсутствием в их действиях состава преступления. В 1953 году механизм реабилитации еще не был отлажен. К пересмотру дел приступали с опаской, действовали осторожно, без огласки. Генерал Ф. Н. Романов написал в эти дни на имя Н. С. Хрущева: «Все мое дело состряпано людьми из бывшего руководства бывшего МГБ, позволившими себе топтать законы советской власти и убивать честных людей»⁴⁴.

Убивали лучших, думающих, сомневающих, искренне болевших за судьбу Отечества.

⁴³ Дело в отношении генерала И. Л. Леоновича было прекращено 8 января 1946 года.

⁴⁴ Архив Военной коллегии. Судебное производство №0024/52 по делу Ф. Н. Романова.

21. Они «не должны были бы быть враждебны советскому строю» (необоснованные осуждения по делам 1942—1943 гг.)

В этой главе остановимся на многочисленных фактах различных перекосов и перегибов по делам об антисоветской агитации, которые были признаны таковыми еще в годы войны.

В период службы в Управлении военных трибуналов автором был обнаружен в ведомственном архиве «Обзор типичных недостатков в судебной практике по делам об антисоветской агитации», составленный 26 апреля 1943 года. Этот документ предоставляет уникальную возможность почувствовать дух того времени, наглядно показать – за что конкретно бойцов и командиров судили в 1942—1943 годах по статье 58—10 УК РСФСР.

Составители обзора констатировали следующее: «Антисоветская агитация является довольно распространенным видом преступлений. Его удельный вес составляет 9% среди всех осужденных военными трибуналами Красной Армии»⁴⁵.

И далее: «Характеристика осужденных показывает, что случаи наиболее злобной агитации приходится на классово-чуждые элементы или прямую вражескую агентуру, которые стараются ослабить ряды Красной Армии и с помощью немецких оккупантов восстановить капиталистические порядки...».

Вместе с тем, «обращает на себя особое внимание наличие среди осужденных бывших членов и кандидатов в члены ВКП (б), а также комсомольцев. Среди осужденных имеются лица, участвовавшие неоднократно в боях и имевшие ранения. Основная масса осужденных – это лица, которые по своему социальному происхождению и нынешнему положению не должны были бы быть враждебны социалистической системе и советскому строю».

Сгладить отраженное в документе недоумение позволяют изложенные далее многочисленные примеры необоснованного осуждения бойцов и командиров по указанной статье.

Приведем лишь некоторые.

Дело в отношении красноармейца 219-й стрелковой дивизии Афонина было возбуждено по части 2 статьи 58—10 Уголовного кодекса на том основании, что он пел песню контрреволюционного характера. Ошибочность обвинения выявили лишь при рассмотрении этого дела в надзорном порядке. Оказалось, что «Афонин пел одну из старых народных песен, в которой нет ничего предосудительного».

Эта ошибка была устранена еще в годы войны. Большинство же таких ошибок пришлось исправлять уже в процессе реабилитации жертв политических репрессий.

Красноармеец огнемётной команды 14 ГСБ М. Григоренко 2 февраля 1942 года был приговорен военным трибуналом к 10 годам лишения свободы за то, что «в январе 1942 года получил от своей матери письмо религиозного характера с антисоветским содержанием и распространял его среди военнослужащих».

Лишь через сорок семь лет правосудие констатировало – весточка от набожной матери, надеявшейся на то, что господь Бог сохранит её сына от гибели, является письмом, «религиозным по содержанию и каких-либо призывов к ослаблению и свержению советской власти не содержит»⁴⁶.

Наибольшую распространенность, особенно в начальный период войны, получили случаи осуждения военнослужащих за хранение фашистских листовок, которые противник забра-

⁴⁵ Здесь и далее – копия «Обзора типичных недостатков в судебной практике по делам об антисоветской агитации» (из личного архива автора).

⁴⁶ М. В. Григоренко реабилитирован ВТ ЛенВО 27 июля 1989 года.

сывал в распоряжение наших войск. Эти дела в массовом порядке поступали в трибуналы с типовой формулировкой – «контрреволюционная пропаганда», – хотя красноармейцы подбирали их нередко даже не из любопытства, а с целью использования в качестве курительной бумаги или для других бытовых нужд.

Подобного рода дел было столь много, что 30 ноября 1942 года начальник Главного управления военных трибуналов и Главный военный прокурор Красной Армии вынуждены были издать специальную директиву №00146/ 004137 «О необоснованном возбуждении дел и осуждении военнослужащих по ст. 58—10, ч.2 УК при обнаружении фашистских листовок, когда не установлено злонамеренности лиц, у которых обнаружены листовки»⁴⁷.

В качестве иллюстративного в директиве приводился пример формального и бездумного осуждения одним из военных трибуналов Калининского фронта красноармейца Абезова, узбека по национальности. Он вообще не владел русским языком, на котором была отпечатана листовка, а об обстоятельствах своих «преступных действий» пояснил в суде через переводчика буквально следующее:

– Листовку поднял за день до ареста для курева, но не успел использовать, так как бумага еще была.

Директива ушла в трибуналы, но не все судьи сразу восприняли изложенные в ней нововведения и продолжали придерживаться ранее сложившейся практики. Поэтому в упомянутом обзоре 1943 года есть запись о том, что, несмотря на директиву, «порочная практика осуждения за обнаружение фашистских листовок, хотя и нет контрреволюционного умысла, не изжита». В подтверждение этого приводился пример по делу командира батальона связи 146-го ОСБ лейтенанта С. Стадника. Из дела усматривалось, что Стадник являлся парторгом роты. Когда один из красноармейцев принес ему подобранную в лесу фашистскую листовку, Стадник прочел ее подчиненным бойцам. Правда, тут же «разъяснил красноармейцам вредность ее содержания». Последней фразы в приговоре нет. Она появилась только в определении военного трибунала Северо-Западного фронта о прекращении дела.

Согласно докладной записке военного прокурора 56-й армии гвардии майора юстиции А. Суханова от 9 августа 1943 года о незаконных методах следствия ОКР «Смерш»⁴⁸, офицер 151-й танковой бригады лейтенант П. Т. Куранов был необоснованно арестован и обвинен в антисоветской агитации. Его «преступные действия» выразились в том, что он завернул в газетную бумагу продукты, полученные на продовольственном складе соединения. Но оказалось, что это не просто бумага, а фашистская листовка. Военная прокуратура отказала ОКР «Смерш» в даче санкции и предложило немедленно освободить Куранова из-под стражи.

«Особенно много случаев неосновательного привлечения к ответственности по ст. 58—10 ч.2, – отмечалось далее в обзоре Главного управления военных трибуналов, – красноармейцев, высказывавших недовольство на плохое питание».

Так, особым отделом 235-й стрелковой дивизии был арестован, а затем трибуналом той же дивизии осужден красноармеец П. Жалнин, который два раза высказал недовольство по поводу приготовленной солдатам похлебки. В первый раз она была без соли, а во второй, по мнению Жалнина, – слишком жидкой.

Трибунал дивизии осудил его к 10 годам лишения свободы. Однако военный трибунал Северо-Западного фронта прекратил это дело.

В упомянутой докладной записке военного прокурора 56-й армии также приведено в качестве примера дело красноармейца 189-го армейского запасного стрелкового полка Бас-

⁴⁷ Сборник законодательных актов, приказов, директив и распоряжений, относящихся к работе ВТ войск НКВД Москва, 1944 г.

⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.4. Кн. 2 М. 2008.

какова. Он был арестован сотрудником контрразведки «Смерш» полка и обвинен в контрреволюционной агитации за слова о том, что «подохнет» с голоду в горах.

Читаем далее: «Получив от военного прокурора указания о неосновательности обвинения Баскакова в контрреволюционной деятельности, Костюков (сотрудник ОКР „Смерш“ – авт.) предъявил обвинение Баскакову в „членовредительстве“, „основанием“ к этому послужило то, что Баскаков, будучи больным желудком, ел черный хлеб, а иногда пил сырую воду. Баскаков по нашему письменному указанию из-под стражи освобождён с прекращением дела»⁴⁹.

Аналогичным образом следствие нередко квалифицировало различные высказывания по поводу питания на оккупированных территориях.

«Федорова Анна, разведчица разведотдела 34 армии, комсомолка, в разговоре со знакомой девушкой рассказала, что она была в тылу у немцев и на вопрос собеседницы: «как там живет мирное население?» ответила: «голодать население не голодает, немцы за стирку белья платят хлебом».

⁴⁹ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.